

Соло для часов с боем

Пьеса в трех действиях

Авторизованный перевод

со словацкого Ю.Айхенвальда

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Франтишек Абель – лифтер на пенсии.

Павел Есенский – его внук.

Даша Высоцкая – девушка Павла.

Райнер.

Пани Конти } друзья Франтишека Абеля из Дома для престарелых.

Хмелик }

Инспектор Мич – старик из Дома для престарелых.

Водитель такси.

Врач.

Первый санитар.

Второй санитар.

Действие первое

Гостиная в старом доме. Две лестницы – широкая, «главная», и узкая, «для домашних», выходят в коридор, ведущий в прихожую. Декорация может быть решена и так, что комната находится в полуподвальном помещении. Обставлена она, как во времена наших бабушек было принято обставлять столовую. Хотя отдельные предметы обстановки производят впечатление зажиточности, все в целом свидетельствует о бедности. Особенно это видно по обивке кресел и дивана. На сравнительно новой модной лампе явно самодельный абажур. На буфете стоит большая безвкусная китайская ваза с несколькими запыленными темно-красными и темно-зелеными розами из перьев. Рядом с вазой – старый, приблизительно двадцатых годов, телефонный аппарат. Станным, аляповатым, контрастным пятном в этой обстановке кажутся две цветные репродукции, вероятно, из иллюстрированного журнала. На одной из них богатырски размахивает микрофоном Том Джонс, на другой непринужденно позировет в бикини Брижитт Бардо. На потертом, просиженном диване лежит Павел, без особого интереса перелистывает цветной журнал большого формата. Абель торопливо вытирает пыль. На нем праздничные брюки, белая рубашка, жилетка, пиджак переброшен через спинку стула. Абель отбрасывает тряпку, прячет в шкаф будильник, затем часы с гирями и, наконец, с трудом втискивает в шкаф большие стоячие часы. Переноса часы, он задевает ими вытянутые ноги Павла и спотыкается на свою хромую ногу.

Павел (не отрываясь от журнала). Еще одна такая эвакуация, и я без ног, без рук.

Абель (тяжело дыша, старается засунуть часы в шкаф). Вот и помощи, пока руки-ноги целы.

Павел (нехотя встает). Ну давай.

Общими усилиями засовывают стоячие часы в шкаф.

Павел. Интересно, что бы ты делал, если б этот гроб с музыкой оказался на пару сантиметров выше.

Абель. Не с такими делами справлялись!

Павел (иронически). Еще бы! Например, на фронте.

Абель. И на фронте тоже. Да и здесь бывали дела. *(Подходит к окну, смотрит на улицу.)* Ты вроде собирался к Даше?

Павел. Считаю, что меня уже нет. Не смею больше беспокоить. А вообще-то, когда марширует твой зверинец, глаза бы мои не глядели: и смех и слезы. *(В незашнурованных ботинках подходит к шкафу и осторожно вытаскивает оттуда спортивную куртку.)* Так! Осторожность и внимание! А то придется надевать вместо куртки ходики, а вместо галстука – гирьку на цепочке. *(Поворачивается к шкафу спиной, ловко захлопывает дверцы ударом каблука.)*

Абель. У тебя до того праздничный «циферблат», что таких мелочей никто не заметит.

Павел *(внимательно разглядывая свое лицо в зеркале).* Ты что-нибудь имеешь против моего «циферблата»?

Абель. Против «циферблата» ровно ничего. *Другой* с таким лицом мог бы высоко подняться.

Павел *(иронически).* Как ты, например. Ты вон куда взлетел! К восьмому этажу и обратно! Нажимать кнопки, открывать двери, кланяться, кланяться – вот карьера! «Покорнейше благодарю!», «Премного благодарен!» Можешь свою карьеру оставить при себе!

Абель *(глубоко униженный, изо всех сил стараясь себя сдерживать, потом шепотом).* Убирайся!

Павел. Что-нибудь не так?

Абель *(возмущенно).* Убирайся вон, а то плохо будет!

Павел *(агрессивно).* И так хуже некуда. Еще когда я на свет родился, хуже некуда было. Я просил кого о такой жизни? Я, что ли, заказал крушение поезда, чтобы остаться без родителей? Приюты, детские дома... А теперь... теперь этот музей на мою голову! *(С отчаянием оглядывается вокруг.)* Нечего сказать, счастье – быть внуком отставного лифтера!

Абель *(неожиданно быстрым движением хватает маленькую вазочку, швыряет ее в Павла).* Вон!

Павел подбирает осколки.

(В изнеможении садится.) Да, я школу не кончил... Но зато в шестом классе у меня были одни пятерки. *(Хромая идет к буфету, достает из маленькой деревянной коробочки школьный табель и сует его в лицо Павлу, продолжающему, стоя на коленях, подбирать осколки.)* На! Сам проверь!

Павел *(примирительно).* Ладно, ладно, знаю.

Абель. А когда ты учился на одни пятерки, ну скажи, когда?

Павел *(неохотно).* Никогда!

Абель. А я ведь сам пробивался. Эх, если б у меня тогда был дед, хоть какой-нибудь, хоть лифтер на *пенсии*... Только никого у меня не было. Понял? *Никого!*

Павел. Ну, хватит, дед, не сердись. Извини, пожалуйста. Может, валидольчика принести?

Абель. Он на кухне.

Павел идет на кухню.

(Складывает школьный табель, прячет его в буфет. Про себя.) Твоя правда. Я кланялся. Столько кланялся, что некоторых гостей и в лицо-то почти не помнил, только по ботинкам и узнавал, по ботинкам даже лучше, чем в лицо, а ты мне еще чемоданы припомнить забыл. Я их столько за всю жизнь перетаскал, что хватило бы нагрузить товарный поезд. Теперь что! Чемоданишки! А раньше, бывало, дама и чемодан при ней – контейнер, страшилище. Налегке-то не ездили, как теперь. Стоит, бывало, такой чемоданище, чудо-юдо, и как к нему подступиться, не знаешь. Несешь – руки отрываются. А душа рада: чем он тяжелее, тем чаевые больше... И радовался же я этим чаевым! Я на них покупал одному чумазому мальчугану игрушки и конфеты, посылал ему все в детский дом.

Пауза. Павел возвращается с лекарством и стаканом воды.

Павел. Возьми, дед. Сбегаю в магазинчик за чаем?

Абель молчит.

Что же у вас сегодня к чаю? Какая программа?

Абель. Не знаю.

Павел. А я когда-нибудь дождусь приглашения?

Абель. Поживем – увидим.

Звонок в прихожей. Появляется п а н и К о н т и, причудливо одетая старая дама. На голове шляпа, фасон которой, пожалуй, слишком смел для женщины ее возраста. Вокруг шеи у нее болтается нечто элегантное, но облезлое, напоминающее мех куницы. Обращают на себя внимание тщательно имитированные мордочки; пасти открыты, зубы оскалены, стеклянные глаза блестят. В руках у дамы закрытый зонтик от солнца с длинной ручкой.

Конти. Добрый день!

Сразу же вслед за ней входит Х м е л и к, старик с большим чемоданом в руках. Ставит чемодан. Вытирает лоб.

Хмелик. Добрый день!

Абель. Здравствуйте, милости просим. Проходите, пожалуйста.

Хмелик вопрошающе смотрит на Конти. Конти показывает зонтиком на буфет.

Хмелик. Сию минуточку! (*Ставит чемодан около буфета.*)

Конти. Не туда. Правее, чтобы не мешал. (*Абелю.*) Я немного опоздала. Не удалось освободиться пораньше. Звонила сыну и задержалась на почте. Просто ужас! Приходится целую вечность ждать, пока наконец соединят!

Павел с любопытством разглядывает Конти, зашнуровывая в то же время ботинки.

Абель (*любезно*). Что слышно нового? Как поживает пан сынок?

Конти. Когда я звонила, он как раз оперировал. Целый час пришлось ждать.

Абель (*сочувственно*). Наверное, вам это стоило кучу денег: междугородный разговор.

Конти (*в явном смятении*). Да... Конечно... (*Смотрит на Хмелика, как бы ожидая от него помощи.*) Это... конечно...

Хмелик (*спасая положение*). Пани Конти не ждала на проводе. Она позвонила еще раз после операции.

Конти (*взглянув с благодарностью на Хмелика*). Да! (*Снова обретая почву под ногами.*) Эти разговоры стоят денег. Но все оплачивает мой сын. При моих теперешних доходах я бы, конечно, не могла себе этого позволить.

Абель (*помогая Конти*). Еще бы! Клиенты у нас в гостинице тоже, бывало, таким способом звонили. Иногда эти разговоры я сам для них и заказывал. Сейчас, кажется, такой разговор называется «за счет вызываемого». Так? (*Смотрит на Павла.*)

Павел. «За счет вызываемого». Так. (*Конти.*) А ваш сын где?

Конти (*гордо*). Мой сын в Швейцарии. Мой сын – ассистент профессора Обвегессера, если, конечно, вам что-нибудь говорит это имя.

Павел (*охотно использует возможность понасмешничать, прикидывается протачком*). Ничего не говорит. Имя как имя.

Конти (*не замечая притворства Павла*). Он оперирует глаза.

Павел (*в прежнем тоне*). Как, вы сказали, его фамилия?

Конти (*медленно, внятно*). Обвегессер.

Павел. Да нет, этого я знаю, я про вашего сына.

Конти. Ах, вот что!.. Ну, естественно, Конти.

Павел. А имя у него тоже есть?

Конти (*после мгновенного колебания*). Его зовут Губерт. Губерт Рохус Конти.

Павел (*иронически*). Ах, вон что! (*Выдержав паузу.*) Нет, такого я не знаю.

Конти (*начинает подозревать Павла, пытается найти выход из создавшегося положения*). С этим молодым человеком (*Разглядывает Павла в лорнет.*) я, кажется, не имела чести быть знакомой. (*Абелю.*) Видимо, это ваш...

Абель (*сердито и предупреждающе смотрит на Павла*). Это мой внук Павел.

Конти протягивает Павлу руку, высоко ее держа, явно для поцелуя.

Павел (*хватает протянутую руку, трясет ее с преувеличенной сердечностью, по-спортивно, чуть не вырывая руку из сустава*). Очень приятно, очень приятно.

Конти (*стремясь заставить Павла принять предложенный ею стиль поведения, расстегивает свои «меха» и со сладкой улыбкой подает их Павлу*). Будьте добры, помогите даме!

Павел (*продолжая дурачиться, изображает страх, еще не коснувшись куниц, вздрагивает*). А они не кусаются?

Конти (*подозрительно*). Ну что вы.

Павел решительно хватается за шею, отходит, за спиной подносит оскаленные мордочки близко к лицу и сам воинственно скалит зубы.

(Абелю.) Какой милый мальчик!

Абель (*извиняющимся тоном*). Немного невоспитанный... Теперешняя молодежь, сами знаете... (*Старается обойти Конти, за ее спиной делает знаки Павлу, чтобы он проваливал.*)

Конти (*церемонно снимает перчатки, но, примиряясь с ситуацией, больше не пытается подчинить Павла своему стилю поведения, а энергичным жестом подает перчатки Хмелику*). Что поделаешь, все меняется – и люди и времена.

Павел (*делая вид, что не заметил знаков Абели, приближается к Конти*). Пани...

Хмелик (*услужливо*). Конти...

Павел (*с напускным простодушием*). Пани Конти, можно вас спросить?

Абель грозит ему из-за спины Конти.

Конти (*которой Хмелик услужливо придвигает стул, садится*). Пожалуйста, мой дорогой, спрашивайте.

Павел. Пани Конти, что у вас в этом чемодане?

Мучительная пауза.

Конти (*смущена, теряет уверенность в себе*). Несколько странный вопрос. А почему вас это интересует, мой милый?

Павел (*с невинным видом*). Я просто подумал, может, вы к нам переезжаете?

Конти. Ах нет, можете не беспокоиться... Этот чемодан я повсюду ношу с собой.

Павел. А мне показалось, что это он его носит. (*Показывает на Хмелика.*)

Хмелик (*с готовностью кланяется*). Хмелик. Рассылный. Собственно говоря, отставной рассылный.

Конти (*смутившись*). Чемодан носит пан Хмелик. Но принадлежит он мне.

Павел (*дурачится*). Пан Хмелик?

Конти (*растерянно*). Нет, чемодан.

Павел. А почему вы его не носите сами?

Конти. Что вы говорите! Он слишком тяжел для меня!

Павел (*в прежнем тоне*). Да, вы правы... А для него не слишком?..

Хмелик (*спасая положение*). Что вы, что вы! Это у меня такая привычка – всегда что-нибудь таскать. Я всю жизнь что-нибудь переносил с места на место. Иногда доставались открытки с целующимися голубками, а иной раз попадали посылки куда тяжелей этого чемоданчика.

Конти (*вновь обретая уверенность в себе*). Пан Хмелик просто к этому привык. Понимаете? Как скрипач к своей скрипке. Уже не говоря о том, что я хорошо плачу! (*Демонстративным жестом открывает сумочку, достает банкноту, протягивает Хмелику.*)

Хмелик (*кланяясь*). Премного благодарен, милостивая пани!

Павел (*с явной симпатией к Хмелику*). Что же вы стоите? Садитесь!

Хмелик неуверенно смотрит на Конти. Конти кивает в знак согласия.

Хмелик (*скромно садится на краешек стула*). Спасибо.

Абель (*Павлу, многозначительно*). Тебе не кажется, что ты сильно опаздываешь?

Павел. Какая же все-таки у вас на сегодня программа? Проблемы долгожительства в третьем мире? Или влияние муравьиной кислоты на окисление земной оси?

Абель. Ты определенно опоздаешь.

Павел (*торопливо подходит к шкафу, где запряты часы, открывает дверцы, заглядывает в шкаф*). Опаздываю. Факт. (*Берет свою спортивную курточку*). До свиданья! (*Проходя мимо Конти, вежливо кланяется*). Целую ручки! (*Уходит*.)

После его ухода все испытывают облегчение.

Абель (*торопливо застегивая жилетку, Конти*). Простите, совсем забыл... (*Быстро застегивается*.)

Конти. Нельзя ли открыть окно? Что-то здесь душно.

Хмелик тут же бежит открывать окно.

Абель. Вы совершенно правы.

Конти (*обмахиваясь кружевным носовым платком*). Хоть немножко свежего воздуха!

Входит Даша.

Даша. Здравствуйте. Павел дома?

Абель. Добрый день, Дашенька. Только что ушел.

Даша. Извините, пожалуйста. (*Уходит*.)

Конти. Какая милая девочка!

Абель. Последнее увлечение моего Павла. Пойду заварю чай. (*Идет на кухню, тут же возвращается*.) Видно, у Павла были гости. Ни крошки чая. Схожу куплю.

Конти (*смотрит на Хмелика*). Не беспокойтесь.

Хмелик (*вскакивает*). Китайского? Грузинского? Русского?

Абель (*Конти*). Какого чая желает милостивая пани?

Конти. Я предпочитаю цейлонский, но его уже три года нигде нет.

Абель. Тогда, пожалуй, грузинского. (*Протягивает Хмелику деньги*.)

Конти (*королевским жестом дает Хмелику банкноту*). И бутылку токайского.

Хмелик (*идет*). Целую руки!

Конти (*тоном приказа*). Но только побыстрее!

Хмелик. Как прикажете. (*Торопливо уходит*.)

Конти. Ах, цейлонский чай! Нет лучше чая, чем цейлонский! Настоящий цейлонский чай всегда можно было достать в наших гостиницах. Вы могли посетить «Континенталь» в любом уголке мира. В Африке, на Южном полюсе, зимой и летом, днем и ночью вы могли иметь настоящий Цейлон... А теперь? Кругом одни отели для интуристов. А где тот, где прежний цейлонский чай? Его нигде больше нет. Везде сплошной обман. А ведь еще наш дед покупал цейлонский чай оптом у «Майнла». Как по-вашему, сколько людей еще помнит фирму Майнла?

Абель (*погружаясь в воспоминания*). У них еще был филиал, магазинчик под башней... Как там все благоухало!.. Корица, гвоздика, ваниль, миндаль... И такая большая машина для поджаривания кофе... Там все время стоял аромат свежего, только что поджаренного бразильского кофе. Я это как сейчас помню. Еще мальчишкой я туда бегал за ветчиной для пана директора. Сто пятьдесят грамм пражской ветчины каждый день в половине десятого... А прилавки... Толстенные шлифованные стекла в полированных рамах, прозрачные как слеза, на полках – белые эмалированные таблички, и на каждой надпись готическим шрифтом... А в витрине стояла шоколадно-коричневая

негритянка... Совсем без ничего, в одной тростниковой юбочке, в соломенной шляпке, у нее были такие маленькие острые грудки... Целыми часами можно было стоять перед такой витриной! Оливки, финики, фиги...

Конти (*продолжая, как загипнотизированная*). ...изюм... арахис... мандарины... (*Вдруг начинает тихонько плакать.*)

Абель (*обеспокоенно*). Что-нибудь случилось?

Конти. Нет, ничего. (*Пауза.*) Мандарины и сейчас продаются, а молодость уже прошла...

Звонок в прихожей. Абель уходит, возвращается с Хмеликом.

Хмелик. Сию минуту будет чай. (*Шарит в кармане, возвращает Абелью сдачу. Со значением.*) А сегодня даже с лимончиком!

Абель (*отдает мелочь Хмелику*). Спасибо. Это вам.

Хмелик возвращает сдачу Конти, которая в свою очередь дает ему чаевые.

(*Смотрит вслед Хмелику, бодро отправившемуся на кухню ставить чай.*) Все еще выглядит молодцом. До сих пор походка, как у танцора. (*Садится.*)

Конти. Привычка. Всю жизнь был на побегушках, а теперь остановиться не может. Он и у нас минуты спокойно не сидит. А когда ему уже совершенно нечего делать, идет в котельную, истопнику помогать. Или на кухню. Всегда в хлопотах, всегда занят. И умереть-то ему будет некогда.

Звонок в прихожей. Абель встает.

Хмелик (*вбегая*). Сидите, не беспокойтесь, я открою. (*Выходит.*)

В прихожей шум, голоса. Слышен голос Хмелика: «Успокойтесь, пожалуйста, только успокойтесь!»

Хмелик возвращается в комнату. Вслед за ним врывается Райнер, в руках которого потертый старомодный саквояж, из тех, какие прежде носили врачи. Райнера подталкивает инспектор Мич – старик в полицейской фуражке довоенного образца.

Райнер (*сердито*). Я протестую! Я вам не хулиган! Нечего меня хватать и толкать!

Конти. Боже мой, пан Райнер, что произошло?

Мич (*Райнеру*). Вы, наконец, успокойтесь, вы перестанете эту комедию ломать или нет?

Абель. Что, собственно, случилось?

Райнер. Обращаются с честным человеком как с заклятым врагом!

Мич. Он на стенку полез, а у самого даже документов не было! (*Оглядывает присутствующих.*) Вы знаете этого гражданина?

Конти. Конечно, это же пан Райнер!

Мич. Стоп! Ни слова больше! (*Абелью.*) А вы знаете этого гражданина?

Абель. Конечно, знаю, это же пан...

Мич. Стоп! Ни слова больше! Я вас спрашиваю: вы знаете этого гражданина?

Абель. Это же пан...

Мич. А я вас не спрашиваю, что это за пан. Я вас спрашиваю, знаете вы этого пана или нет. Таков порядок. Сначала вы мне должны ответить, знаете ли вы этого гражданина или нет. А потом вы мне назовете его имя. Знаете вы этого гражданина или нет?

Абель. Конечно, знаю. Но вы же хотели, чтобы мы удостоверили личность пана Рай...

Мич. Стоп! Опознание личности проводится по особым правилам. Будете подходить ко мне по одному и потихоньку, на ухо, шептать имя гражданина, которого следует опознать. То, что вы скажете, – это свидетельские показания. Дача ложных показаний карается законом. Так что смотрите!

Райнер (*возмущенно*). Цирк! Тоже мне Шерлок Холмс!

Мич. Помалкивайте! (*Остальным.*) Граждане, прошу в порядке очередности.

Хмелик. Если позволите, пан инспектор...

Мич. Придет и ваша очередь.

Хмелик. Если позволите, в кухне чайник...

Мич. Не положено. Придет и его очередь. Прежде всего я должен закончить опознание.

Райнер (*словно его укололи шилом*). *Опознание!* Что я вам – неизвестный утопленник из Дуная?

Мич. Не нарушайте законных действий властей при исполнении служебных обязанностей. Оштрафую!

Райнер (*агрессивно*). Вам бы только штрафовать! А у самого нет бумаги даже для...

Конти (*возмущенно его прерывает*). Довольно, довольно, мой дорогой! Мужчина в любых обстоятельствах должен собой владеть.

Райнер. И все-таки у него нет даже бумаги для...

Мич (*непреклонно*). Гражданин, предупреждаю в последний раз. Давайте не будем нарушать общественный порядок. Оштрафую. Прошу свидетелей. (*Хмелику.*) Вы, кажется, торопитесь? Вы узнаете этого гражданина? (*Показывает пальцем на Райнера.*)

Хмелик. Конечно, узнаю. Мы с ним давно знакомы. Живем в одном и том же Доме для престарелых. Его зовут пан Райнер.

Мич. Стоп! (*Прикладывает ухо почти к самому рту Хмелика.*) Имя и фамилия. Полностью.

Хмелик шепчет.

Правильно. Можете сесть.

Хмелик. Мне бы в кухню...

Мич. Можете в кухню.

Хмелик выходит.

(*Плотно закрывает за ним дверь, как того требует полицейская бдительность. Абелю.*) А теперь вы.

Абель шепчет.

Правильно. Садитесь!

Абель (*Конти*). Смотрите, как втирается!

Райнер. Смех и позор!

Конти (*Абелю*). В который раз втирается!

Мич (*игнорируя это замечание*). Теперь ваша очередь, пани.

Конти (*надменно*). Не потрудитесь ли вы подойти ко мне?

Мич. Я при исполнении обязанностей. Потрудиться придется вам.

Конти (*в прежнем тоне*). Но позвольте! Я пожилая дама, у меня больные ноги. И мне достаточно хорошо известны не только мои гражданские обязанности, но и мои *права*. Я знаю, что я обязана и чего не обязана делать. Раз вы, как официальное лицо, нуждаетесь в моих показаниях, а я в этих показаниях нисколько не нуждаюсь, вы, пан инспектор, обязаны принять во внимание мои личные обстоятельства, в частности состояние моего здоровья. Или вы, может быть, думаете, что если бы вы пришли допросить меня в больницу, то я из-за этого прямо так бы и вскочила с постели? Здесь не больница, но ведь и я сижу, а не лежу.

Мич (*сбитый с толку, медленно, как загипнотизированный, приближается к Конти*). Ну, зачем уж вы так!

Конти, наслаждаясь одержанной победой, рассматривает инспектора в лорнет и, не торопясь, лишь по прошествии некоторого времени что-то ему шепчет.

Все в порядке. (*Записывает что-то в блокнот. Райнеру.*) Можете быть свободны.

Входит Х м е л и к.

Хмелик. А вот и чаек готов! (*Вносит на подносе чайник и подстаканники без стаканов. Разливает «чай».*)
Все делают вид, что пьют этот воображаемый чай с большим удовольствием.

Конти. Чем же провинился наш уважаемый друг пан Райнер?

Мич. Безобразничал. Лез на стену без сопроводительных документов и удостоверения личности.

Райнер. Еще неизвестно, кто из нас безобразничал!

Мич. Опять нарушаете? (*Остальным.*) А если бы он разбился?

Абель (*спасая положение*). Не желаете, пан инспектор, с нами чайку попить?

Мич. Я при исполнении служебных обязанностей.

Конти. Поскольку чай – это даже не пиво, то при исполнении служебных обязанностей его разрешается употреблять.
 Присаживайтесь, мой дорогой!

Мич (*совершенно сбитый с толку, садясь*). Ну, раз вы так считаете...

Конти (*едва сдерживая смех*). Пан Хмелик, пан инспектор хотел бы снять свою «бригадирку». Если я не ошибаюсь, именно так называется то, что у вас на голове?

Мич (*поспешно снимает фуражку*). Так точно. (*Подает фуражку Хмелику.*)

Райнер резко отодвигает свой подстаканник и демонстративно отходит от стола.

Конти. Что с вами, пан Райнер?

Райнер. Не сяду с полицейским за один стол! А тем более с бывшим полицейским. Сыт по горло.

Конти. Ну что вы! Этот пан – наш гость. Полицейский – он у нас в богадельне.

Райнер. Правильно. Гость. Но ваш, а не мой! (*Сосредоточенно роется в саквояже, вынимает оттуда будильник и инструменты часовщика.*)

Абель. Извините, пожалуйста, пан инспектор. Пан Райнер очень рассержен.

Конти. При случае он извинится перед вами... Когда немножко остынет.

Райнер. Я не остыну никогда! (*Начинает разбирать будильник.*)

Абель. Что же он такого натворил, наш пан Райнер?

Мич. Я же вам говорил: полез на стену. У всех на глазах. В самый час пик.

Конти. Вы, наверное, шутите?

Мич. Нисколько не шучу. Полез на стену нашей городской башни. Рискуя жизнью, я его оттуда снял. Он лез с уступа на уступ и забрался уже довольно высоко.

Абель (*неуверенно*). Ну... это действительно... несколько странно.

Мич. Странно?! Это невиданно и *неслыханно*! Старый человек, а лезет по стенке, как обезьяна!

Райнер. Это еще что!

Мич (*непреклонно*). А разве не так!

Райнер. Почему сразу – как *обезьяна*? Почему, например, не как *артист*?

Мич. А разве вы *артист*?

Райнер. А что же, я обезьяна, по-вашему?

Конти. Нет, пан Райнер – часовщик и ювелир.

Мич. Вот, пожалуйста! Для чего же ювелиру лезть по стене на башню в самый час пик? Даже если бы вы были *артистом*, вам надо было бы иметь особое разрешение.

Райнер. Если бы я был артистом, я должен был бы иметь особое разрешение. Тут я не спорю. Но...

Абель (*делая вид, что старается замять эту тему*). Прошу вас, не желаете еще сахарку?

Мич. Спасибо.

Пауза.

Конти (*стремясь начать нейтральный разговор*). Вы давно служите в полицейском корпусе?

Мич. Я служу в городской инспекции по охране чистоты и порядка.

Райнер (*копаясь в будильнике, как бы между прочим*). То-то у нас по всему городу грязь и вонь.

Хмелик (*наливает воображаемый чай, подносит Райнеру*). Прошу вас, я уже положил два кусочка.

Райнер механически достает из кармана деньги и дает Хмелику чаевые.

Премного благодарен!

Мич. Спасибо за угощение. (*Встает.*) Мне пора идти.

Конти. Нам было очень приятно! Пан Хмелик! Пан инспектор уходит!

Хмелик (*с готовностью подает фуражку*). Пожалуйста!

Инспектор, совсем сбитый с толку, тоже лезет в карман и дает Хмелику чаевые.

(*Удивленно.*) Спасибо.

Мич. До свидания! (*Уходит.*)

Пауза. Х м е л и к идет на кухню и приносит настоящий чай, разливает его.

Абель (*Райнеру*). Не присоединитесь ли теперь к нам?

Райнер, делая вид, что не слышит, продолжает работать.

Конти. Ну что же вы, что это такое, мой милый? Надеюсь, вы на нас не обиделись?

Абель. Идите к нам.

Конти. Зачем же вы так? Неужели вы хотите, чтобы дама приглашала вас дважды?

Райнер неохотно, как упрямый ребенок, встает со своего места. Хмелик услужливо хочет ему помочь.

Райнер. Не трогайте, пожалуйста, моих часов! Вас касается только чай!

Хмелик. Не извольте беспокоиться! (*Ловко переставляет чай.*)

Райнер (*сосредоточенно собирает свои инструменты и переносит все на стол, где пьют чай*). Особое разрешение!

Ишь, чего выдумали!

Хмелик доликает чай Райнеру. Пауза.

(*Снова погружаясь в починку будильника.*) Вы думаете, что я сумасшедший? Не так ли?

Конти. Ну что вы, что вы!

Райнер. Я-то знаю, что думаете... Иногда я и сам так думаю. (*Привычным жестом поднимает очки на лоб и вставляет часовую луну.*) Мне не повезло, что я вообще думаю... Иной раз даже больно... Но не здесь (*Стучит пальцем по темени.*), как можно было бы ожидать, а вот тут. (*Указывает на сердце.*) Например, этот полицейский... (*После некоторого раздумья.*) Он меня сюда тащил через весь город. Лез из кожи вон, только чтобы я не взобрался на эту башню. Но за все это время так и не спросил, зачем я туда полез. Таким людям всегда все ясно. Для них я старый сумасшедший – и точка. Тронутый старик, вызывающий у всех возмущение.

Хмелик. Почему же вы не объяснили ему, в чем дело?

Райнер (*иронически*). И он бы эти башенные часы положил прямо к моим ногам? Так, что ли? (*Помолчав.*) Разве его может интересовать какой-то чокнутый старик? Чего мне было ждать от него, если даже вы вот уже несколько лет прячете от меня все часы? Бойтесь за них.

Абель (*неуверенно защищается*). Я просто не хотел, чтобы эти часы отвлекали ваше внимание от нашей компании.

Райнер. Если бы в свое время вы потерпели еще несколько месяцев, мне бы это действительно удалось.

Абель. Но вам это не удавалось! Вы сидели среди нас, но были не с нами.

Райнер. Нет, удавалось! Однажды в мастерской я добился своего: все-таки согласовал ход шести часов тютельница в тютельница, до десятой доли секунды. Ушло на это почти четыре года. Но ведь в конце концов я добился!

Конти. Я никогда не понимала, почему вы так об этом заботитесь. Не вижу в этом никакого смысла. Какая разница – секундой позже, секундой раньше...

Райнер. Что ж тут непонятного? Все дело в принципе. Один император, как же его звали.. Кажется, Максимилиан... Так он столько времени этого добивался, что под конец совсем тронулся. Понимаете? Он спросил себя: как же можно управлять действиями миллионов людей, если он бессилен согласовать между собой две дюжины самых обыкновенных часов? Вот тут он и споткнулся. Говорю вам, все дело в принципе.

Конти. А если все часы на свете будут тикать друг другу в такт, секунда в секунду, вы думаете, людям от этого будет лучше?

Райнер. Уж не знаю, лучше или хуже, но что-нибудь от этого изменится.

Конти (*задумчиво*). Странная мысль...

Райнер. Сейчас у одних часы отстают, у других спешат, у третьих вовсе останавливаются...

Абель (*перебивая*). Так вы говорите, что император на этом деле спятил?

Райнер. Да. По крайней мере, так утверждают историки.

Абель (*серьезно*). Но нам бы не хотелось, чтобы вы сошли с ума!

Райнер. Не беспокойтесь. Он всего лишь *император*, а я *часовщик*. (*Внезапно открывает шкаф со спрятанными часами, Абелью.*) Вот что вы делаете! Дело не в том, что вы прячете от меня часы. Дело в том, что мы с вами выпили целую цистерну чаю, а вы до сих пор меня не понимаете. Ведете себя словно маленький мальчик. А ведь вы человек, который мог бы стать космонавтом!

Конти. Пан Райнер, опомнитесь! Мы договорились, а вы все выболтали. Тоже мне конспиратор!

Хмелик. Часовщик – и минуточку не мог подождать!

Пауза.

(*Спасая положение, как ни в чем не бывало.*) О каком космонавте здесь идет речь?

Райнер. О каком? (*Указывая на Абелья.*) Да вот об этом! В течение сорока шести лет пан Абель поднимался каждый день на четвертый или даже на восьмой этаж. Приблизительно по одному рейсу каждые четыре минуты. Я взял на себя труд все посчитать. Вычел за сорок шесть лет все воскресенья – по пятьдесят два воскресенья в год, – праздничные дни и двухнедельные отпуска. Получилась фантастическая высота. Пан Абель, за эти годы вы преодолели расстояние от Земли до Луны.

Конти (*с любопытством смотрит на Абелья в лорнет*). Нет, это невозможно.

Райнер. И тем не менее это уже произошло. А расстояние на самом деле вышло побольше. Когда на эту высоту поднялись другие, у всего мира от удивления перехватило дыхание. Назовите их имена здесь или в Центральной Африке – повсюду знают этих славных парней, за короткое время долетевших до Луны. И нет ничего удивительного, что за сорок шесть лет честной работы наш пан Абель поднялся даже еще и повыше.

Абель (*взволнованно*). Я, значит, вполне могу считаться космонавтом! (*Начинает ходить по комнате, чтобы преодолеть волнение. Он хромает, и это трагически-гротескно контрастирует с его «звездной» мечтой.*) Если к одной маленькой высоте прибавить другую маленькую высоту и делать это каждый день по многу раз, то ведь и получится высота до Луны. Или почти до Луны. Выходит, можно высоко подняться... (*Погружается в эту грезу.*) Как же мне самому это в голову не пришло!

Конти (*Хмелику, который с наивным восхищением смотрит то на Абелья, то на Райнера*). Не пора ли принести токайское?

Хмелик (*опомнившись*). Конечно, конечно! (*Уходя, еще раз, как замороженный, оглядывается на Абелья.*)

Конти. Будьте моими дорогими гостями!

Абель (*все еще пораженный своей неожиданной судьбой, вежливо, но как бы между прочим*). Да, конечно. Вы очень любезны.

Хмелик (*входя с откупоренной бутылочкой, вынимает из буфета бокалы*). Сию минуточку все будет.

Абель (*взволнованно*). Не эти! (*Хромая подходит к буфету и вынимает бокалы из красного стекла с золотым рисунком, слишком красивые и дорогие для квартиры Абеля.*) Сегодня пьем из рубиновых.

Хмелик (*открывает ящик буфета, вынимает салфетку из тонкого полотна, ловко ее складывает, перебрасывает через руку, как это делают официанты, подходит к гостям с правой стороны и элегантным, привычным жестом наливает вино в бокалы*). Прошу!

Райнер откладывает луну, сосредоточенно и медленно надевает очки.

Конти (*торжественно встает. Поднимает бокал на высоту глаз*). За нашего дорогого космонавта!

Абель с трудом преодолевает волнение. Руки у него заметно дрожат.

Райнер. За наши звездные мгновения!

Хмелик (*взволнованно*). За бледную Луну!

Абель. За жизнь, погибшую в шахте лифта!

Действие второе

Та же комната в квартире Абеля. Входят Павел и Даша. Павел идет к шкафу, открывает дверцы.

Павел. Смотри!

Даша. Это что такое?

Павел. Аттракцион номер один. У старика вчера были гости.

Даша. Они что, чокнутые?

Павел. С приветом! (*Открывает створки буфета, выдвигает ящики стола, отовсюду достает спрятанные Абелем часы.*)

Даша смеется.

Каково? Дед прячет часы от одного часовщика, пана Райнера. Еще тот крокодил! Дед прямо молится на него, какой он специалист!

Даша. Зачем же тогда пан Абель прячет часы?

Павел. А у пана Райнера такая дурацкая привычка: любит ораторствовать. Иногда так разоидется, что швыряет на пол все, что под руку попадает.

Даша. Ну и чудище!

Павел. Еще не все! Ходит сюда одна старуха... пани Конти... Провалиться, если вру! Сама как будто аршин проглотила, на голове шляпа, как у д'Артаньяна, а сзади слуга.

Даша. Слуга? С ума сойти!

Павел. Я тебе говорю – слуга. Отставной рассыльный пан Хмелик со старухиным чемоданом. Чемодан в полтонны, чудак пыхтит, но тащит.

Даша. Держите меня, а то упаду.

Павел. Аттракцион номер два! (*Снимает со шкафа старый граммофон.*)

Даша. О! Настоящий «джезбокс». Stereo-видео. Модель «две тысячи».

Павел. Как, по-твоему, играет этот дед?

Даша. Если да, то я – троллейбус!

Павел. Пари?

Даша. Давай. (*Подает руку.*) Люблю беспроигрышные пари!

Павел. Поцелуй.

Даша. Два поцелуя.

Павел. Согласен. *(Заводит граммофон, налегает на ручку всем телом, словно заводит трактор, вытирает пот с лица.)* У-уф-ф! Надо отдохнуть...

Даша *(смеется)*. Хочешь колу? Свеженькая кола!

Павел. Глоток тонизирующего напитка меня спасет.

Даша *(идет к буфету, достает из него бутылку колы, пьет сама, дает Павлу)*. Для Павлушки пепси-кольчик, для дедушки – алкогольчик. Пей до дна!

Павел *(пьет)*. Минутку! *(Бежит к граммофону, льет в трубу из бутылки.)* Пей до дна, дед! *(Включает ногой спрятанный магнитофон.)*

Раздается громкая музыка.

Даша *(видит спрятанный магнитофон, смеется)*. Ясно. Обман. А это чей магнитофон?

Павел. В данную минуту мой – я его отремонтировал.

Даша. Эх, если б все, что ты отремонтировал, стало твоим! Классно звучит! Соседи сойдут с ума!

Павел. А нам без разницы! *(Идет к Даше, целует ее.)*

Даша. Еще!

Павел целует еще раз.

Держи меня, а то упаду! *(Падает в объятия Павла.)*

Павел. Аттракцион номер три. *(Снова целует Дашу.)*

Даша. А не поставить ли часы на место? Без них как-то неуютно.

Павел и Даша переносят часы на место.

Тяжелые часы!

Павел. Мы себе купим транзисторные.

Даша. Не знаю. Не видела.

Павел. Я знаю. Батарейка с монетку величиной, а идут круглый год.

Даша *(с удовольствием начинает игру)*. А что мы еще купим?

Павел. Все!

Даша. Цветной телевизор.

Павел. Двенадцать штук. По числу месяцев в году.

Даша. По одному в каждую комнату.

Павел. А остальные себе на голову.

Даша. Двенадцать комнат и небольшой холл. Тридцать шесть на тридцать шесть.

Павел. Сто шесть на сто шесть. И пани Даша с утра до вечера полы моет!

Даша. А мы на них ковры!

Павел. Ковры-самоходы.

Даша. Пылесос!

Павел. Кибернетический отсасыватель пыли!

Даша. Эр-кондишен на все сезоны!

Павел. И всю твою кибернетику в подвал, к чертовой матери!

Даша. А где хранить вино?

Павел. В водопроводных трубах.

Даша. А вода?

Павел. В бассейне.

Даша. А бассейн?

Павел. В саду.

Даша. А в саду?

Павел. Золотые рыбки и на пальмах дрессированные шимпанзе.

Даша. Сам ты шимпанзе. Десять тысяч разноцветных колибри!

Павел. А кошкам будет вход воспрещен.

Даша. А почему кошкам будет вход воспрещен?!

Павел. А чтобы кошки не сожрали колибри!

Даша. А дети?!

Павел. Правильно. Малюсенькие, кудрявые, с попочками, как персики.

Даша. Сколько?

Павел. Полно. Старший будет олимпийским чемпионом по прыжкам на голове. Он будет привозить нам золотые медали.

Даша. И подарки.

Павел. Второго мы сделаем директором космофлота.

Даша. Членам семьи билеты со скидкой на пятьдесят процентов. К рождеству слетаем за дефицитом.

Павел. Купим на Марсе собачек с антеннами.

Даша. На что собачкам антенны?

Павел. Чтобы только у тебя были с антеннами.

Даша. Симпатично.

Павел. А третьего муштруем на укротителя!

Даша (*шокирована*). Циркач?! Исключено!

Павел. Должен же быть в нашей семье хоть один человек искусства! Для статуса.

Даша. Тогда лучше папа римский.

Павел. Папа римский? Исключено! У тебя не будет законных внуков!

Даша. Хватит внуков от чемпиона. А девочки?..

Павел. Две. С девчонками хлопот не оберешься. Пять человек – и на этом остановимся.

Даша. Отлично. (*Пауза. Затем испуганно.*) Ах ты, Боже мой!

Павел. Что случилось?

Даша. Да ведь все это будет стоить целую кучу денег!

Павел. Ну и что?

Даша. Где мы их возьмем?

Павел (*молниеносно направляет на Дашу указательные пальцы, изображая пистолеты*). Ограбим банк!

Даша (*твердо*). Нет! Не желаю быть вдовой гангстера, попавшего на электрический стул. (*Как бы в предчувствии такого будущего.*) И пятеро нищих сироток на шее!

Павел (*разочарованно*). Жаль. Придется зарабатывать честным трудом.

Даша (*не соглашается*). По честному до самой смерти столько не заработаешь!

Павел. Это почему? Буду изобретателем и новатором. Буду обслуживать сразу пятьдесят два токарных станка и работать не то что две – четыре смены!

Даша. Откуда же у нас возьмется столько детей, если ты круглые сутки будешь работать?

Павел (*подражая лектору*). Проблемой прироста населения мы будем заниматься по субботам и воскресеньям.

Даша (*разочарованно*). Только?

Павел. Тогда решай, любимая: или деньги, или прирост.

Даша. Я могла бы тоже трудиться на фабрике.

Павел (*мужественно*). Не годится!

Даша. Тогда буду продавать парики. Парики – это бизнес будущего!

Павел (*тоном приказа*). Атомная физика – вот это бизнес. Будешь ученой-атомщицей – и баста. По пятницам приносишь нерасщепленные атомы в кошелке, а я помогаю их расщеплять в субботу и воскресенье. Чтобы ты получала большие премии.

Даша. Мы же договорились, что по субботам и воскресеньям будем заниматься...

Павел (*прерывает*). До девяти вечера будем расщеплять атомы, а потом...

Даша (*подхватывает*). Ты будешь смотреть по телевизору «Новости спорта».

Павел. Тогда будем колоть атомы до семи. Не забывай о жизненном уровне нашей семьи.

Даша. До пяти.

Павел. Согласен.

Даша. Но только после свадьбы.

Павел. А после помолвки?

Даша. Я уже сказала. Только после свадьбы. (*Пауза. Без видимой связи с предыдущим.*) А сумел бы ты сделать колыбель?

Павел. Из металла хоть за два дня.

Даша. Я же не о контейнере тебя прошу, а о колыбели. Колыбель должна пахнуть сосной. А куда мы ее поставим? (*Осматривается.*) В этот угол. Чтобы днем ее грело солнце, а ночью падал лунный свет.

Павел. Но пока у нас нет своего угла... Поставим у ваших?

Даша. Нас там знаешь сколько? Как китайцев в Китае и плюс еще я. (*Оглядывает комнату.*) А может, здесь? Давно не красили?

Павел. Лет семь.

Даша (*задумчиво*). Уже давно в моде обои. И не особенно дорого. (*Кончиком туфли откидывает ковер.*)

Павел. А где будет жить дедушка?

Даша. Пол у вас совсем плохой. Паркет дорог, да и не достанешь.

Павел. Не можем же мы втроем жить в одной комнате.

Даша. Конечно, не можем. Линолеум дешевле и отмывается легко. Но некрасиво. Как в больнице.

Павел. Паркет трудно мыть.

Даша. Ничего, я и с паркетом справлюсь, лишь бы достать. А почему бы пану Абелю не переехать в кухню?

Павел. Ты ведь знаешь, у него больная нога.

Даша. Что же ты придумал?

Павел. Ума не приложу.

Даша. А почему бы твоему деду не переселиться в Дом для престарелых?

Павел. В богадельню? Ты с ума сошла! У меня язык не повернется ему это сказать.

Появляется А б е л ь.

Даша. А ты в шутку.

Павел молчит.

Так, между прочим...

Павел молчит.

Ну что ты молчишь? (*Нервно, передвигает мебель.*) Я же не настаиваю. Я ничего такого не говорю. Как хочешь, так и делай. Хочешь – пусть остается, пусть живет на этом складе старого барахла!

Абель спокойно проходит на свое место.

(*Смущенно.*) Добрый день, пан Абель!

Павел. Ты уже вернулся?

Абель (*спокойно*). Как видишь. Что, переставляете-обновляете?

Павел (*неуверенно*). Мы просто так... Обсуждали, как бы мы это... если бы мы поженились... понимаешь?

Абель. Если бы вы поженились, говоришь?

Павел (*неуверенно*). Да.

Абель. Хорошая идея. А где собираетесь жить?

Павел. Ты же сам слышал. Наверно, здесь.

Абель. Но, как я понимаю, Дашеньке здесь не нравится.

Даша (*сама не своя*). Мы думали... Сперва мы подумали, что для начала... На время... Пока мы получим кооперативную...

Абель. А сколько надо ждать кооперативную?

Даша. Лет шесть-семь.

Абель. А сколько нужно для первого взноса?

Даша. Смотря какая квартира. Есть за три тысячи, есть за десять.

Абель. А вы за какую заплатили?

Даша. Еще ни за какую не заплатили.

Абель. А говорите, что только на время... Что же будет со мной?

Павел. Мы еще об этом не думали.

Абель. Понимаю. У вас своих забот полон рот.

Даша (*простодушно*). В том-то и дело!

Павел (*спасая положение*). По-моему, что-то надо придумать.

Абель садится в кресло, берет газету.

(*Беспомощно.*) Что ты посоветуешь?

Абель. В таких ситуациях трудно советовать.

Даша (*нетерпеливо*). Но ведь у вас есть какое-нибудь мнение на этот счет?

Абель. Конечно.

Павел. Какое?

Абель. Например, что вы еще очень молоды.

Даша. А что же, нам сперва состариться, а потом пожениться?

Абель. Ни в коем случае. А то пока будете ждать, как бы не раздумали...

Павел. Не раздумаем.

Даша. Мы любим друг друга.

Абель. Рад слышать. Любовь – это уже много. А что еще у вас есть?

Даша. Ничего. Но будет. Все. Прекрасный дом. Автомашина. Телевизор. Собака...

Абель. Так что, собственно говоря, все в порядке.

Павел. Да нет...

Абель. Нет? А почему?

Павел. Потому что это все у нас только будет. А сейчас мы даже не можем снять комнату.

Даша. Поэтому мы думали...

Павел. Дед, а не могли б мы для начала пожить здесь?

Абель. Втроем в одной комнате?

Даша (*растерянно*). Я не знаю, это, наверное, было бы нехорошо... И кроме того...

Павел (*с надеждой*). А если бы ты немного пожил на кухне?

Абель. Мне бы хотелось вам помочь, но такой вариант не годится. Там каменные плиты, а с моей искалеченной ногой... Потом, там вообще очень холодно...

Павел. Но кухня маленькая, ты же знаешь. А нас все-таки двое...

Даша. И нам пришлось бы ходить через вашу комнату.

Абель. Если б я жил на кухне, то через вашу комнату пришлось бы ходить мне.

Даша (*простодушно*). Но вы уже старик и рано ложитесь спать.

Абель. Вы правы, Дашенька, я старик... Но там каменные плиты...

Даша (*оглядываясь*). Может, разгородить эту комнату?

Павел (*резко*). Нет, Даша! Я об этом думал. Комната слишком маленькая.

Даша. Решение здесь, в этой квартире... единственное решение. Но все зависит от тебя. (*Смотрит на Павла.*)

Абель. Я вас слушаю.

Павел (*неуверенно*). Мы подумали... может, ты нам уступишь всю квартиру?

Абель. Всю? А я где буду жить?

Даша (*помогая Павлу*). Мы подумали, может, вам будет лучше, если вы переедете...

Абель. Если вам это поможет. А что вы для меня придумали?

Даша. Замену. Равноценный вариант. Даже получше, чем равноценный: центральное отопление. Никаких забот с углем. Золу выносить не надо. Тепло и чисто... Друзья ваши рядом. И пятницы будут у вас семь раз в неделю.

Абель. Спасибо (*Взволнован, быстро подходит к буфету, вынимает из ящика две сберегательные книжки.*) Видите? Я на них много лет подряд откладывал из моей нищенской пенсии... Самое меньшее – пятьдесят крон в месяц на каждую. На одну книжку откладывал себе на похороны. На другую – откладывал вам на свадебный подарок. Я всегда надеялся до этого дожить. Не хотелось идти на вашу свадьбу с пустыми руками. На каждой книжке – по четыре тысячи шестьсот восемьдесят. Всего – девять тысяч триста шестьдесят. (*Протягивает сберегательные книжки Павлу.*) Бери. Можете их взять обе. Хотелось, чтобы хоть похоронили по-человечески, да ведь под забором, наверное, меня и так не бросят. Внесите пай в кооператив. Или делайте с ними что хотите. Они ваши.

Даша (*сдержанно*). Не беспокойтесь, пан Абель, мы уж как-нибудь обойдемся.

Абель. Я понимаю, Дашенька... Я понимаю... (*У него беспомощно опускаются руки со сберегательными книжками. Растерянно оглядывается по сторонам.*) Не нуждается вы ни в моем сочувствии, ни в моих деньгах, ни в моем барахле...

Павел (*растерянно*). Дед, подожди...

Абель. Я знаю... Для вас все это – старая рухлядь. Только эта рухлядь не всегда была такой старой. Я годами откладывал гроши, чтобы хоть что-нибудь купить... И как я радовался, всей душой радовался, когда мне это удавалось! А до того я ходил смотреть в витрине... Любовался, смотрел... Люди покупали, а я смотрел... (*Делает несколько бесцельных, неуверенных шагов.*) Кусок моей жизни – это барахло. Может, вся моя жизнь – такое же барахло. Но это была моя жизнь.

Павел (*примирительно*). Да ведь мы...

Абель (*почти сдавшись*). Вы это поймете лет через шестьдесят, если вообще поймете...

Даша. Боюсь, что не пойдем. Мы будем другими. И мир будет другим. (*Едва сдерживая слезы.*) И жилищный кризис не вечен! Будет достаточно квартир для всех... Прекрасных квартир, солнечных квартир, в которых будет полно зеркал... Кафельные ванны с цветочками... Кухня с автоматическими линиями... Электрические стиральные машины... Что еще? Кондиционеры, зеленые сады, детские площадки... (*Внезапно убегает.*)

Павел (*бежит за ней*). Даша! Даша! Постой, Даша!

Абель сосредоточенно и долго протирает очки. Он тоже того и гляди расплачется.

Возвращается П а в е л, резко хлопает дверью.

Павел. Большое тебе спасибо.

Абель молчит.

(*Агрессивно.*) Я знаю, почему ты это сделал.

Абель. Ничего ты не знаешь.

Павел. Знаю. Отлично знаю. Ты ненавидишь нас.

Абель (*удивленно*). Кого?

Павел. Дашу, меня, всех!

Абель. Перестань нести чушь. Почему бы мне вас ненавидеть?

Павел. Потому что если бы ты взял нас к себе, кончились бы твои пятницы. Негде тебе было бы встречаться с пани Конти (*ехидно, но в прежнем агрессивном тоне*), отец которой основал компанию «Отели «Континенталь».

Абель. Не отец, а дед.

Павел (*едва владея собой*). Ты сам не веришь, что она внучка или там дочка этих отелей. Ты не хуже меня знаешь, что название «Континенталь» произошло не от фамилии «Конти», а от слова «Континент». Континент – это часть света. Твоя пани Конти!! Сюда бы не мог ходить (*насмешливо*) пан Райнер. Чокнутый болтун с энциклопедической эрудицией. Великий философ и оратор. Безнадежный псих, который лезет на стену, только чтобы обратить на себя внимание прохожих в часы пик.

Абель. А вдруг у него совсем другая цель?

Павел. Какая, если не секрет?

Абель. А тебе никогда не хотелось забраться куда-нибудь высоко? Чтобы оттуда посмотреть хотя бы на прошлое.

Павел. Никогда. Я не нуждаюсь в мечтах о прекрасном прошлом, когда все было лучше, красивее и чище, чем теперь!

Абель. Потому что легче всего мечтать о будущем. (*С отвергающим жестом.*) Квартиры, полные солнца, кухни с автоматическими роботами, где уже не нужно стоять у плиты...

Павел (*фанатически*). Все это когда-нибудь будет, будет!

Абель. Может, и будет. Я только спрашиваю – когда?

Павел. Не знаю, но будет.

Абель (*задумчиво*). Мне жаль тебя.

Павел (*запальчиво*). А Райнера не жаль?

Абель. Нет. Я им восхищаюсь.

Павел. Вот в этом вся суть! Заговариваете друг друга сказками, задуриваете себе голову до того, что сами в эти сказки верите. А потом восхищаетесь друг другом.

Абель. Возможно, ты и прав. Но все равно, ты так ничего и не понял.

Павел. Ну конечно. Я отроду непонятливый.

Абель. Это иногда меня даже беспокоит.

Павел. Небось, о пане Райнере ты не беспокоишься.

Абель. Угадал.

Павел. Если не секрет: почему?

Абель. Слова, полные любви, и две пары босых ног под одной периной – маловато для мужчины. И уж совсем просто – выгнать старика в приют для престарелых и выбросить вон его барахло.

Павел (*иронически*). Лучше карабкаться на башню и болтать.

Абель. Ты никуда не карабкаешься, а только болтаешь. Надо бы тебе попробовать! Попробуй взобраться на эту башню – и я буду восхищаться тобой. Да разве дело в башне – пусть будет что угодно, но попробуй!

Павел (*с ощущением своего превосходства*). А какая польза будет для людей, если пан Райнер заберется на эту башню? Он что, будет оттуда кричать? «Люди, люди, привет вам от пана Райнера»?

Абель. У них будут часы.

Павел (*не понимая*). Часы?

Абель. На башне.

Павел. Но ведь там есть часы.

Абель. Только эти часы уже восемь лет показывают двадцать шесть минут одиннадцатого. А когда Райнер одолеет эту башню и доберется до часов, время на них сдвинется. Отцы по ним будут учить детей узнавать, когда – четверть, когда – половина. Каждые пятнадцать минут они своим боем будут отмерять всему городу время. Они не будут больше немymi. К ним вернется голос. Ты слышишь, к ним вернется голос!

Пауза.

Павел. Но почему пан Райнер не добирается к этим часам нормально, по лестнице в башне?

Абель. Потому что он старый. Несколько лет назад он предложил починить часы. Ему сказали, что он стар. А когда он снова предложил свои услуги, ему сказали, что лестница прогнила и по ней нельзя ходить, иначе она рухнет.

Павел (*задумчиво*). Как ты думаешь, ему удастся?

Абель. Молю бога, чтобы удалось.

Павел (*с сомнением в голосе*). А если нет?

Абель. Тогда он погибнет.

Павел. Разве это не ужасно?

Абель. Нет. Это прекрасно.

Действие третье

Комната в квартире Абеля. Часов по-прежнему нет на своих местах. Ясно, что они снова спрятаны: Абель ждет в гости Райнера, а с ним Хмелика и Конти. Сейчас в комнате никого нет. Видны разбитые часы – отдельно корпус, отдельно механизм. Входит Х м е л и к. Оглядывается, замечает сломанные часы. Входит П а в е л с большой коробкой в руках.

Павел. Добрый день, пан Хмелик.

Хмелик. Добрый день, Павел. Дедушки еще нет дома?

Павел. Он пошел за газетами. Сейчас вернется.

Хмелик (*внимательно разглядывая разбитые часы, механически*). Ага, за газетами.

Павел. Понимаете, у меня разбились часы.

Хмелик. А я-то подумал, пан Райнер пришел.

Павел. Часы отставали, и я хотел в них разобраться...

Хмелик. И что же теперь будет?

Павел. Попробую починить.

Хмелик. Ну-ну...

Павел. Не присядете? (*Складывает разбитые часы в коробку.*)

Хмелик. Да я на минуточку забежал.

Павел. Извините. (*Уходит с коробкой.*)

Входит одетый по-праздничному, с хозяйственной сумкой и тщательно завернутым свертком Райнер.

Райнер. Всем – добрый день.

Хмелик. Добрый день. (*Услужливо принимает от Райнера сверток.*)

Райнер. Осторожно!

Хмелик (*помогает Райнеру снять пальто*). Позвольте отгадать?

Райнер (*в приподнятом настроении*). Не более чем с трех раз.

Хмелик. Часы.

Входит Павел.

Райнер. Как это вы угадали? (*Подает Хмелику чаевые.*)

Хмелик. Спасибо. Сегодня не надо.

Райнер. То есть как это не надо?

Хмелик. Сегодня – нет.

Павел с интересом наблюдает за ними.

Райнер (*видит Павла*). А где хозяин дома?

Павел. Сказал, что пошел за газетами, а уже почти час как его нет.

Хмелик. Ничего, ничего, пан Абель не потеряется.

Павел. Можно мне посмотреть эти часы?

Райнер. При условии, если не разобьете.

Павел. Ясно.

Райнер (*медленно и осторожно разворачивает пакет. Появляются прекрасные, искусно украшенные часы с малахитовыми колонками*). Ну, что скажете?

Павел. Первый класс!

Хмелик (*в восхищении*). На починку?

Райнер (*внушительно*). Да вы что! Идут безупречно. Теперь такого механизма днем с огнем не сыщешь... Разве только в музее часов в Женеве.

Павел. Сколько они могут стоить?

Райнер. Трудно сказать. Тут дело не в деньгах.

Хмелик. Ваши?

Райнер (*с гордостью*). Мои.

Павел. А как они к вам попали?

Райнер. Наследство. Еще отец моего деда был часовщиком!..

Павел. Стало быть, это он чинил песок в песочных часах!

Райнер (*оценив шутку*). Почти что так. (*Заводит часы, переводит стрелки, часы начинают мелодично отбивать время.*) Их хотел купить управляющий.

Хмелик. Наш?

Райнер. Тот.

Хмелик. Сколько давал?

Райнер. А я не спрашивал. Эти часы не продаются.

Павел. Жаль. На вашем месте я бы их!.. Если бы хорошо заплатили!

Райнер. Нет-нет... Есть вещи, которые не продаются.

Павел. И за десять тысяч вы бы их не продали?

Райнер. Столько бы, наверное, никто не предложил, даже коллекционер... Но все равно – нет... Нет.

Павел. Знал я одного пана, у него была собака. Эта собака стоила больше ста тысяч.

Хмелик (*попадает на удочку*). Больше ста тысяч? И нашелся, кто такую сумму предложил?

Павел. Нет, но другой пан предложил в обмен две кошки, по пятьдесят тысяч за каждую. Вот так! (*Уходит.*)

Пауза.

Райнер (*отдавая должное*). Это неплохо...

Хмелик. Между прочим, я застал сегодня Павла за ремонтом часов. Я скоро, пан Райнер. (*Уходит.*)

Райнер. Любопытно... (*Осторожно переносит часы на буфет.*)

Снова входит П а в е л.

Павел. Пан Райнер, как вы считаете, те часы на башне еще не безнадежны?

Райнер (*удивленный, с осторожностью в голосе*). Почему безнадежны?

Павел. Ну, раз уж они так долго стоят!

Райнер (*с любовью смотрит на принесенные им часы, улыбается*). Починить можно любые часы... Мой дед починил королевские куранты. В Дании готовились праздновать какую-то годовщину... Можете себе представить юбилейный праздник под курантами, которые стоят? Тридцать один часовщик – все из лучших часовщиков Дании! – ничего не могли с ними поделать! По настоятельной просьбе самого короля Кристиана поехал дед. Иногда и королям приходится просить.

Павел. Хорошо заплатили?

Райнер. Получил мешок золота, орден и титул придворного часовщика.

Павел (*заинтересованный*). Это как в сказке.

Пауза.

Райнер (*идет к окну, отодвигает в сторону занавеску, смотрит в окно, потом, как бы сравнивая, внимательно смотрит на часы*). Как в сказке...

Входит Х м е л и к.

Хмелик. Пан Райнер, я сейчас шел по улице... вас ищет девушка из цветочного магазина у башни.

Райнер. Девушка у башни! Что вы об этом скажете? Спешу... Свидание, пан Хмелик! Свидание. (*Уходит.*)

Хмелик. Я хочу спросить, нельзя ли мне оставить на кухне пару гвоздик...

Павел. Ну конечно! А где они у вас?

Хмелик. За дверью. Я хочу, чтобы гвоздики были сюрпризом. (*Идет в прихожую, потом возвращается с большим букетом гвоздик.*) У пани Конти завтра день рождения.

Павел. Это вы называете «пара гвоздик»? Это же целое состояние!

Хмелик (*скромно*). По шесть крон за штуку.

Павел. Вы что, выиграли в лотерею, пан Хмелик?

Хмелик. Это на чаевые. Я их копил много лет. Не растратил ни одного геллера. Еще позавчера я не знал, что с ними делать...

Павел (*берет букет, несколько растерян*). Поставлю их в воду. (*Уходит.*)

Хмелик идет к телефону, внимательно рассматривает его. Возвращается П а в е л.

Пан Хмелик, разрешите вас спросить...

Хмелик. Пожалуйста, Павел.

Павел. Вы ходите сюда давно, но сегодня вы у нас впервые без чемодана.

Хмелик. Привычка, знаете ли.

Павел (*прерывает*). Наверное... но то... что вам в вашем возрасте приятно таскать чемоданы...

Хмелик. Но я, собственно, даже и представить себе не могу пятницу без этого чемодана. Он неотделим от моих пятниц.

Павел. Скажите, пан Хмелик, это вас иногда не оскорбляет?

Хмелик (*удивленно*). Нет. А почему это должно меня оскорблять? Я, собственно, об этом даже не думаю. Наступает пятница, четыре часа дня, и я иду в женский павильон. Постучу в дверь пани Конти, возьму чемоданчик и иду. Чемодан всегда стоит у дверей. Не знаю, понимаете ли вы меня... Но без этого чемодана пятница для меня уже не была бы пятницей. И в конце концов, этот чемодан вовсе не тяжелый. Большой, но не тяжелый.

Павел. А что в нем?

Хмелик. Не знаю.

Павел. Не знаете?!

Хмелик. Нет.

Павел. А вам это не странно?

Хмелик. Что?

Павел. Ну то, что много лет подряд каждую пятницу таскаете этот чемодан и даже не знаете, что в нем.

Хмелик. Когда-то давно я об этом думал. Я уже и сам не знаю когда... Началось все это как-то незаметно... Даже не знаю как. Может быть, я сам предложил свои услуги... Может быть, этот чемодан она носила сама, и мне показалось, что ей это не подходит. Позднее, видимо, она меня об этом попросила, а еще позднее я начал носить сам, уже без просьб... Я не знаю, как бы это вам...

Пауза.

Павел. Я положил в воду пару таблеток аспирина. Для срезанных цветов это хорошо.

Хмелик. Большое спасибо вам... (*Идет к телефону.*) Этот телефон действует?

Павел. Действует. Он, правда, помнит времена, когда дед еще работал в гостинице, но действует.

Хмелик. Вообще-то я не слышал, чтобы он когда-нибудь звонил.

Павел. Нам никто не звонит.

Хмелик (*нерешительно*). Мне нужно было бы... Я хотел бы вас кое о чем попросить, Павел... (*Решившись.*) Пани Конти уже несколько раз намекала мне, что у нее такое ощущение... Одним словом, что она в нашем обществе начинает плохо себя чувствовать. Ей кажется, что мы сомневаемся в существовании ее сына. Что, видимо, мы ей не верим. Это ее очень удручает.

Павел. Чем же я могу вам помочь?

Хмелик. Знаете, я думал, что раз у нее день рождения... Мне хотелось бы, чтобы она снова чувствовала себя с нами, как раньше... Мне хотелось бы сделать ей приятное.

Павел. Но я не знаю, чем я смогу помочь?

Хмелик. Пустяк... маленький пустяк. Невинный обман, который вернул бы старой пани уверенность в себе. (*Испытующе смотрит на Павла.*) Я хотел вас попросить. Не сможете ли вы позвонить, то есть протелефонировать сюда по вашему номеру. Около семи часов.

Павел. Мог бы, ну и что?

Хмелик. А не могли бы вы ее поздравить с днем рождения от имени сына?

Павел. А что сказать? Откуда я его знаю?

Хмелик. Позвоните просто как ее сын.

Павел. У него странное имя. Я даже не запомнил.

Хмелик. Это имя – Губерт. Губерт Рохус Конти.

Павел (*явно забавляясь*). Рохус... Грохус. Я, наверное, не выдержу и рассмеюсь.

Хмелик (*настойчиво*). Достаточно сказать Губерт. (*Выжидательно.*) Могли бы вы это сделать?

Павел. Думаю, что смогу. (*Повторяет.*) Губерт. Губерт... Губерт... (*Уходит.*)

Звонок. В комнату входит Райнер с букетом роз.

Райнер. Что вы о них скажете?!

Хмелик. Прекрасно! (*Нюхает.*) Розы есть розы, ничто на свете не сравнится с их ароматом... Пани Конти будет рада... Это от той цветочницы!

Райнер. От меня. (*Церемонно достает из кармана маленький конверт, вынимает из него визитную карточку.*) Последняя. (*Читает.*) «Густав Райнер, ювелир и часовщик, присяжный судебный эксперт». До чего это было давно! (*Кладет визитную карточку в розы.*) Эта картонка еще что-то помнит...

Хмелик. Поставим их на стол? Ваза здесь. (*Поправляет розы.*) Пан Райнер, кому первому пришла в голову мысль дарить цветы?

Райнер. Кому-то непрактичному.

Хмелик. Я еще на минуточку выйду. (*Смотрит на Райнера. Торжествующе, про себя.*) Так, значит, договорились!

Райнер (*не понимая, в чем дело*). О чем договорились?

Хмелик (*улыбаясь*). Как – о чем?! Договорились! (*Уходит.*)

Райнер подходит к окну, из кармана жилетки вынимает часы на нарядной цепочке, отодвигает занавеску в сторону, смотрит из окна, потом, как бы сравнивая, внимательно смотрит на свои часы.

Звонок. Входит с хозяйственной сумкой в руках Абель.

Абель. Пан Райнер, добро пожаловать... Сегодня вы что-то рано.

Райнер. И без полицейского конвоя. «Инспектор» сегодня дежурит у нас по дому. А для гарантии я спрятал его «бригадирку».

Абель. Простите, я немного задержался... Попытался найти настоящий цейлонский чай. Обегал весь город...

Райнер. Напрасные старания.

Абель. Жаль. Пани Конти была бы рада... Думаю, больше, чем вот этому. (*Вынимает из хозяйственной сумки бутылку шампанского.*)

В комнату входит в новом костюме Павел.

Павел (*многозначительно*). Ну и живем... ну и живем...

Абель (*вынимает из кармана дорогую подарочную сигару; Райнеру*). А это для вас... Будете создавать аромат. В приличном обществе необходим аромат сигары.

Райнер (*берет сигару, предвкушая*). О-о, вот это аромат, «Корронас»! Спасибо. Сделаю все, чтобы здесь была здоровая мужская атмосфера.

Павел (*Абелю*). Я тебе еще нужен?

Абель. Ты мне не нужен.

Павел. Тогда я пошел. (*Уходят.*) Пока...

Райнер. До свидания.

Пауза.

Абель (*идет к буфету. Райнеру*). Не помогли бы вы мне?

Райнер. С удовольствием.

Абель (*вынимает бокалы, чашки*). Там, внизу, маленькие тарелки...

Райнер (*помогает*). Совсем другое дело. Не то что пластмассовые черепки в нашей столовой.

Абель. Раз в год и в аду бывает праздник.

Абель и Райнер накрывают стол.

Райнер. У нас не ад, но с праздниками ничего не выходит.

Абель. Ни разу в год?

Райнер. Нет.

Абель. Я думал, что хотя бы на рождество...

Райнер. Даже и на рождество... *(Пауза.)* Еды хватает... И вина дают. Но все как-то не то... Светло, тепло и елочку поставят, даже с электрическими свечками. Это трудно объяснить. Чего-то там не хватает... И подарки нам дают, даже хорошие, красиво завернутые в целлофан... Вы когда-нибудь служили в армии, были на рождество в казармах?

Абель. Нет... Раз в лазарете, а на другое рождество был уже дома.

Райнер. Может, если припомните, рождество в лазарете... Хотя и это не то. Человек был молод. А мы сидим вокруг стола, куча незнакомых людей... Друг друга знаем только по имени... Сидим плечо к плечу, а каждый одинок. Единственную нашу *пятницу* я не поменял бы на три таких рождества...

Абель. Я думал, что молодые вас... что хотя бы на рождество...

Райнер *(отвергающе).* Те?! Что вы! Последний раз я их видел в июне... Три года назад... *(Задумчиво.)* К тому времени я отдал им почти все. Можете себе представить? Настоящие «шафгаузенки», с двумя корпусами, инкрустацией... замечательные часы... Я был рад, что молодые приходили ко мне хотя бы иногда. Черт побери, все было и все прошло! В последний раз я подарил им «дукат», золотой терезианский «дукат». Я хранил его больше сорока лет на счастье. Вот и все, что я мог им отдать. Отдал бы больше, да уж не из чего... В конце концов, чего можно было от него ожидать! Бежал от часового дела... *(С горечью и презрением.)* Снабженец! *(Разочарованно.)* Снабженец!.. Жалко, что нет цейлонского чая.

Пауза.

Абель. Пан Хмелик что-то задерживается.

Райнер. А сколько, собственно, исполнится пани Конти?

Абель. Не имею понятия. Я думал, что вы знаете.

Райнер. Уж скорее пан Хмелик.

Пауза.

Абель. Не выпьем по рюмочке?

Райнер. Спасибо, подождем остальных.

Абель *(замечает часы на буфете).* Разрешите спросить – что это?

Райнер. Часы!.. *(Накрывает часы куском материи.)*

Абель. Ах так... *(Пауза. Направляется к шкафу.)* Не помогли бы вы мне? *(Открывает шкаф.)* Павел их снова спрятал. Куда же ходики запропалились? *(Отовсюду достает часы и расставляет их по местам.)*

Райнер *(помогает).* Я забыл сказать Павлу...

Абель *(примирительно).* Ничего... ничего...

Абель и Райнер с трудом вытаскивают из шкафа часы и несут их на прежнее место. Звонит телефон.

(Идет к телефону.) Франтишек Абель. Слушаю. *(Пауза.)* Алло, алло! *(Пауза.)* Кто-нибудь подшутил. *(Кладет трубку.)*

По главной лестнице поднимается пани Конти с водителем такси. Водитель несет чемодан. Звонок в дверь.

Сегодня у нас, как на бульваре. *(Идет открывать дверь.)*

Выходит празднично одетая Конти с водителем такси. К этому времени стол празднично накрыт.

Райнер (*кланяясь*). Целую ручки.

Конти. Добрый вечер, пан Райнер. (*Водителю.*) Спасибо. (*Показывая на чемодан.*) Можете это поставить сюда.

Водитель такси. Пожалуйста. (*Ставит чемодан.*) Что еще будет угодно пани?

Конти. Благодарю вас. Можете идти.

Водитель такси. Всего доброго. (*Уходит.*)

Абель (*входя из передней*). Что-нибудь случилось?

Конти. Почему?

Абель. Вы без пана Хмелика?

Конти. Ах вот что! Сама не понимаю, как это вышло, но он прислал за мной такси. Жаль, вы не видели, как все у нас глаза вытаращили! Инспектор Мич так обалдел, что даже отдал честь. Очень мило со стороны пана Хмелика. (*Рассматривая накрытый стол.*) А что у вас происходит? Вы кого-то ждете?

Райнер. Ждали.

Конти. Разрешите узнать, кого?

Абель. Сейчас узнаете. Прошу за стол.

Конти (*садится на свое обычное место*). Спасибо.

Абель. Сегодня не сюда. Ваше место здесь. (*Сажает Конти на почетное место.*)

Конти (*с наигранным удивлением*). Не понимаю!

Райнер. А вы слушайте пана Абеля.

Конти (*пересаживаясь*). Объясните же наконец! Я умру от любопытства!

Абель. Минуточку терпения. (*Делает знак Райнеру.*)

Оба подходят к Конти.

Райнер. Уважаемая и милая пани Конти...

Абель. Милая и уважаемая пани Конти...

Звонок в передней.

Абель. Разрешите мне...

Райнер. Чтобы вам...

Конти. Надо бы открыть.

Райнер (*сбившись, в прежнем торжественном тоне*). Нам надо бы открыть..

Абель торопливо открывает бутылку. Входит Х м е л и к, празднично одетый. С ним произошла какая-то перемена. Это уже не прежний Хмелик. Энергичным шагом он подходит к столу и ставит на него большую подарочную корзину прямо перед Конти.

Хмелик. Вот.

Конти (*не переставая удивляться*). Ради бога, пан Хмелик!

Хмелик. Успокойтесь, любимая пани, все в порядке. (*Быстро идет на кухню, возвращается с букетом гвоздик.*)

Все трое, торжественно встав в ряд, подходят к Конти.

Наша дорогая пани Конти, разрешите нам от всего сердца поздравить вас с днем рождения...

Абель (*как эхо*). ...рождения.

Хмелик. Большая честь и радость для нас, что мы составляем вам компанию в такой исключительно важный момент.

Райнер (*тихо*). Да, момент исключительно важный.

Хмелик. Примите от нас небольшой подарок. (*С неожиданной галантностью подает букет, целует руку.*)

Райнер (*целует руку*). Да, день совершенно исключительный. Один из «звездных» в моей жизни!

Хмелик тем временем ловко открывает бутылку с шампанским.

Абель. Присоединяюсь... Главное – крепкого здоровья и счастья!

Конти. Спасибо. Спасибо вам от всего сердца. (*Плачет.*) Это все так удивительно... так мило с вашей стороны.

Хмелик. Зачем столько слов, когда полны бокалы? Я поднимаю первый бокал за здоровье нашей дорогой новорожденной! За ваше здоровье! *Живиио!*

Абель и Райнер (*вместе*). Живиио!

Хмелик. Многие лета!

Абель и Райнер (*присоединяются*). Многие лета! Многие лета! Многие лета! Живиио!

Хмелик. До дна!

Все выпивают и садятся.

Конти. Мне вообще-то нельзя, с моей гипертонией.

Хмелик. Забудьте вы об этой гортензии!

Конти (*со смехом*). Гипертензия? А вы большой весельчак, пан Хмелик!

Хмелик. Да, смельчак! Конечно, я смельчак. Смелость – моя стихия. (*Наливает всем вино.*) Итак, за здоровье вашей внучки!

Конти. Внучки?

Хмелик. Ну, гортензии этой, вернее – гипертензии.

Конти. Мне действительно нельзя.

Райнер. Бокал хорошего вина – лучшее лекарство.

Конти. Ну, хорошо, еще один. На вашу ответственность!

Райнер. Готов отвечать.

Конти (*решительно выпивает вино, видно, что когда-то она любила выпить*). Вот это да!

Абель. Пан Райнер, ваши часы! (*Берет часы, подносит их Конти.*) Новорожденной от пана Райнера.

Конти. Каков подарок! Нальем еще!

Хмелик наливает.

Благодаря вам, именно благодаря вам мы можем поднимать эти бокалы! За здоровье нашего космонавта!

Райнер. Космонавту – ура!

Все пьют.

Абель (*тронут*). Друзья, спасибо вам. (*Указывает на ветчину.*) Прошу вас, угощайтесь.

Конти (*со знанием дела*). Пражская, фирменная. Я ее уже много лет не видела.

Хмелик. Экспрессом из Праги, специально для вас.

Конти. Все шутки шутите, пан Хмелик.

Хмелик. Могу присягнуть!

Конти. Ложная присяга – грех.

Хмелик. Ради вас мы готовы согрешить!

Райнер. Я так уже и не помню, когда грешил в последний раз.

Конти. У вас плохая память, пан Райнер.

Райнер. У меня плохая память?

Конти. А кого сюда на прошлой неделе привели полицейские?

Райнер. Не полицейские, а инспектор. Наш инспектор.

Конти. А вы когда-нибудь видели, чтобы полицейские арестовывали святых?

Райнер. Только по недоразумению. Впрочем, нашему инспектору и море по колено.

Абель. Что же вы ничего не едите?

Хмелик. Я уж наелся, как мужик на пасху. А вот выпить мы, действительно, забываем. (*Открывает новую бутылку, разливает по рюмкам.*)

Конти. У меня голова кружится. Я правда больше не могу.

Абель. Как же так? Мы ведь пьем за невинность пана Райнера.

Райнер. Вот так тост! (*Выпивает.*)

Конти (*убеждая себя*). Мне нельзя. Нельзя мне больше ни капельки. Иначе за себя не ручаюсь. (*Встает со стула, словно загипнотизированная.*)

Хмелик. Пейте. А вашей гипертензии ничего не скажем. Слово мужчины.

Конти (*выпивает стоя, беспомощно оглядывается*). Ах, все бы отдала за цыганскую музыку!

Абель (*быстро встает, вынимает из шкафа граммофон*). Это нам проще простого.

Хмелик охотно ему помогает. Абель заводит граммофон.

Райнер. Граммофон есть. Сейчас будет и музыка.

Абель (*вынимает из шкафа пластинки, выбирает одну, ставит ее*). Ну, музыка, не подведи!

Раздаются первые медленные такты темпераментного чардаша.

Конти (*отбивает так. Ее движения становятся по-цыгански выразительными*). Казино! (*Упоенно.*) Офицеры! Вино течет рекой... (*Бросает своих куниц на спинку стула.*)

Хмелик (*стремительным движением берет бокал, по-военному четко подходит к Конти и кланяется*). Разрешите представиться: поручик Хмелик. (*Подает бокал Конти.*)

Конти (*залпом выпивает*). Очень приятно, пан поручик. (*Непринужденным движением бросает бокал через плечо, начинает танцевать с Хмеликом.*)

Абель (*с восхищением следит за танцующими, подкручивает граммофон*). Bravo!

Райнер (*встает со стула, берет бокал и подходит к танцующим. Хмелику*). Разрешите?

Хмелик. Разумеется, пан капитан! (*Перестает танцевать.*)

Райнер (*по-военному кланяется*). Капитан Райнер. (*Подает бокал.*)

Конти (*выпивает бокал в ритме танца*). Очень приятно, пан капитан! (*Бросает бокал и продолжает танцевать.*)

Абель и Хмелик хлопают в такт. Чардаш ускоряется. Конти и Райнер выделывают сумасшедшие па. Звонит телефон. Хмелик продолжает хлопать в такт.

Абель (*подходит к телефону*). Да... Я вас плохо слышу... Пани Конти? (*Удивленно.*) Да, она здесь... (*Пауза.*) Да, минуточку... (*Зовет Конти.*) Вам звонят.

Конти (*увлеченная танцем*). Меня нет дома!

Абель (*растерянно*). Говорят, очень срочно...

Конти. Сейчас ничего не может быть срочного! (*Райнеру.*) Не так ли, пан капитан?

Абель (*беспомощно*). Звонит пан Конти!

Конти. Это исключено!

Хмелик (*спасая положение*). Но кто же тогда еще?

Конти (*недоверчиво берет трубку*). Я слушаю. (*Напряженная пауза.*) Кто? (*После краткой паузы.*) Губерт? Губерт! (*Хватается за сердце.*) Сыночек мой! (*Трубка падает у нее из руки.*)

Конти медленно опускается на пол.

Хмелик первый приходит в себя от потрясения, подбегает к Конти, осторожно приподнимает ее голову.

Абель. Надо что-то делать.

Хмелик. Лекарство!

Райнер. «Скорую помощь»!

Хмелик. Позвонить к нам!

Абель. Да-да, «скорую помощь»... *(Берет телефонную книгу.)*

Хмелик. Она всегда глотала такие маленькие таблеточки...

Райнер. Сумку, быстро!

Хмелик роется в сумке.

Есть?

Хмелик *(растерянно)*. Нет...

Райнер. Нашли «скорую помощь»?

Абель *(листая телефонную книгу)*. Сейчас, сейчас...

Хмелик. Вдруг таблетки в чемодане?

Райнер. Чушь! Кто носит таблетки в чемодане?

Хмелик. Но надо же что-то делать! Нельзя же сложа руки смотреть, как она умирает! *(Решительно открывает чемодан.)*

Абель *(беспомощно)*. Не могу найти номера...

Райнер. На первой странице. Где милиция и пожарники.

Хмелик *(над открытым чемоданом)*. Ничего нет...

Райнер. Пустой?

Хмелик. Только вот это. *(Достаёт пачку писем, венок с фатой.)*

Абель *(торопливо набрав номер)*. «Скорая помощь»?.. Алло! Соедините меня, пожалуйста, со «Скорой помощью»! Ах, это «Скорая помощь»?.. Скорее, пожалуйста, умирает пани Конти. *(Пауза.)* Да, у меня на квартире... Но позвольте...

Райнер *(Абелю)*. Разрешите? *(Берет телефонную трубку.)* «Скорая помощь»?.. Срочный вызов, Франтишек Абель, Старый город. Сукеницкая, семьдесят шесть... Да... *(Кладет трубку.)*

Хмелик. Надо позвонить к нам, надо позвонить к нам! *(Набирает номер.)* Дежурный?... Соедините с управляющим!.. Что – «по какому вопросу»? Я вам говорю, соедините с управляющим. Пани Конти при смерти! *(Растерянно кладет трубку.)*

Абель *(взглянув на Конти, лежащую на полу)*. Надо бы ее, пожалуй... *(Показывает на диван.)*

Райнер. Помогите мне.

Укладывают Конти на диван. Хмелик, как лунатик, ничего не слыша, идет к чемодану, достаёт оттуда подвенечное платье. Это платье тоже было в чемодане.

Хмелик. Ведь сейчас только она танцевала...

Райнер *(ищет пульс)*. Жива... *(Считает пульс по часам.)* Компресс, живо!

Абель. Да-да, сейчас...

Хмелик. Ведь сейчас только она танцевала... *(Ходит с подвенечным платьем в руках.)*

Райнер *(Хмелику)*. Воды, пожалуйста!

Хмелик *(как эхо)*. «Воды, пожалуйста»... *(Идет за водой.)*

Абель. Это платье совсем... *(Бегло его осматривает.)* Похоже, что его никто и не надевал...

Хмелик *(ставит компресс Конти)*. Ведь сейчас только она танцевала... Этого быть не может...

Райнер *(щупает пульс)*. Что же они так долго?

Абель. Пойду навстречу, чтобы не искали. *(Уходит.)*

Хмелик. Жива?

Райнер. Как будто еще жива.

Абель (*возвращаясь*). Нет никого.

Хмелик (*беспомощно берет платье*). Этот телефонный звонок...

Райнер (*рассматривает платье*). Странно... Его и впрямь никто не надевал.

Абель. Я подумал... Она в нем венчалась...

Хмелик (*уносит платье*). Видно, собиралась... Пани Конти не была замужем.

Абель. Боже мой, куда они провалились!.. Каждую секунду может быть поздно...

Хмелик. Ведь сейчас только она танцевала...

В комнату вбегает М и ч. Он без «бригадирки», одежда в беспорядке, он тяжело дышит.

Мич. Стоп! Спокойно! «Скорую помощь» вызвали? Вызвали... Воды принесли? Принесли. Лекарство дали? Дали.

Почему же базар? А я говорю – базар! Пан Хмелик! Перестаньте сейчас же пачкать подвенечное платье пани Конти!

Женщина всю жизнь его берегла. А вы? Смотрите: на подоле след большого пальца. Вы что, хотите, чтобы эта улика

работала против вас? Там разберутся! А я говорю – разберутся! Стоп! Пан Абель, уберите руку с телефонной трубки!

Теперь я понимаю, почему никак не мог к вам дозвониться, старый вы попрыгун! А вы, пан Райнер? Что вы молчите,

как утопленник из Дуная! Перестаньте ходить взад-вперед. Вы же не маятник! А я говорю, что маятник! Вот до чего

доводят ваши пятницы! Посмотрите, как спокойна пани Конти, а ведь ей хуже, чем нам.

Хмелик. Пан инспектор, я прошу вас, я требую, чтобы вы немедленно замолчали, хотя бы из уважения к пани Конти!

Мич. Стоп! Как вы сказали? Как зовут пани?

Хмелик (*ошеломленно*). Пани Конти.

Мич. Стоп! Я надеюсь, вы понимаете, что начинается идентификация. Идентификация личности проводится по

особым правилам. Будете подходить по одному и потихоньку, на ухо, шептать имя гражданина, которого нужно

опознать, то, что вы скажете, – это свидетельские показания. Дача ложных показаний карается законом. Имя человека,

которого следует опознать... Пани Конти... (*Плачет.*)

Пауза. Абель, Райнер, Хмелик глядят на него в изумлении.

Абель (*Хмелику*). Плачет.

Хмелик. Ради бога, успокойтесь, Мич.

Абель (*берет со стола бокал, протягивает Мичу*). Вода.

Райнер. Все будет хорошо.

Пауза.

Мич (*постепенно приходит в себя, собирается с силами*). Который теперь час? (*Пауза.*) Как чисто били когда-то

часы... нет-нет, это невозможно... Давайте допустим самое худшее. Представим себе, что пани Конти завтра уже не

будет с нами... А мы? А наши пятницы?

В комнату быстро входит врач и два санитары.

Врач. Добрый вечер! Ах, вот она. (*Бегло осматривает.*) Положите ее на носилки.

Санитары подходят к дивану.

Хмелик (*словно желая уберечь Конти от неосторожного обращения*). Я помогу...

Санитар. Не надо. У нас в этом деле опыт. (*Вместе с другим санитаром укладывает Конти на носилки.*)

Абель (*с тревогой*). Жива?

Врач. Жива... Это ваша...

Абель. Нет, не моя жена, нет... Пани Конти была здесь в гостях.

Врач. Документы у нее при себе?

Хмелик. Пожалуйста, в сумочке. (*Берет сумочку и уходит вместе с санитарями.*)

Райнер, Абель и Мич тоже уходят следом за Врачом. Все спускаются по главной широкой лестнице. В то же самое время на черной лестнице появляются Павел и Даша, еще на лестнице репетируют.

Павел. Обязательно перепутаю... *(Приводит в порядок букет.)*

Даша. Да ну тебя... Это же совсем просто. Сперва всех поздравишь, подойдешь к ней и начнешь...

Павел. Как это... Ну, первые слова?

Даша. Глубокоуважаемая пани Конти.

Павел. Ага! Вспомнил. Пошли. *(Быстро идет первым. Входит, удивленно оглядывает пустую комнату, накрытый стол, зовет Дашу, тихо.)* Иди сюда!

Даша *(входя)*. Никого нет?

Павел. Что-то непонятное... Почему же все-таки пани Конти бросила трубку?

Даша *(уходит в кухню и возвращается)*. Целый день голову ломали, как помириться со стариками. Пришли – а их уже нет.

Павел. Боюсь за деда, мы ссорились последнее время.

Даша. А мы так хорошо подготовились. *(Снимает со спинки стула куниц пани Конти, накидывает их себе на плечи, садится на стул.)* Еще ничего не потеряно. У нас все впереди!

Павел. Да... да... у нас все впереди... Наверно, они пошли проветриться. *(Берет букет, обращаясь к Даше.)* Глубокоуважаемая пани Конти! Разрешите мне скромно присоединиться к общему поздравлению... *(Даше, вполголоса.)* А дальше как?..

Даша. И в этот торжественный и счастливый...

Павел. Точно. И в этот торжественный и счастливый час пожелать вам всего, чего только вы сами себе пожелать захотите...

Даша *(церемонным жестом подает ему руку для поцелуя)*. Спасибо, мой милый! Как это любезно с вашей стороны!

Павел галантно подает букет и целует протянутую руку.

(Обращаясь к воображаемому обществу.) Не правда ли, очень, очень милый молодой человек! *(Замечает венок с фатой.)* Батюшки! А это что?

Павел *(удивленно)*. Венок?

Даша *(в том же тоне)*. Свадебный?

Павел *(не раздумывая, надевает венок с фатой на голову Даше, берет ее под руку и торжественно ведет по комнате; внезапно останавливается, торжественным голосом)*. Спрашиваю вас, пан жених, согласны ли вы жениться на присутствующей здесь Даше Высоцкой добровольно и по зрелом размышлении? *(После паузы.)* Да! Спрашиваю вас, Даша Высоцкая, согласны ли вы добровольно и по зрелом размышлении выйти замуж за присутствующего здесь Павла Есенского?

Даша. Да!

Павел наклоняется к Даше, поднимает вуаль, обнимает Дашу и целует. Медленно и нежно опускает ее на диван, с которого только что унесли Конти. Присаживается рядом, снимает с Даше венок и фату. Через открытое окно слышен медленный бой старинных башенных часов.

Павел. Слышишь?

Даша. Что?

Павел напряженно вслушивается в мелодичный бой старинных часов на городской башне.

Конец